

ОЛЬГА СВАНБЕРГ

ЧУХОНСКАЯ

Р
О
В
Е
С
Т
Ь

16+

Ольга Сванберг
Чухонская повесть

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сванберг О.

Чухонская повесть / О. Сванберг — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Тема русских жен за границей не нова, но неизменно вызывает интерес читателей, потому что у каждой из женщин свой уникальный путь и опыт в чужой стране. Книга основана на реальных событиях. Расставание с иллюзиями о заграничной жизни проходит не всегда просто. Путешествие в судьбу героини является увлекательным и познавательным знакомством с финской действительностью. Права на использование обложки предоставлены издательством «Писатель в интернет-пространстве», Киев, Украина.

Ольга Голубева-Сванберг родилась в Ленинграде, живет в Хельсинки, активно занимается как профессиональной, так и литературной деятельностью: пишет стихи, прозу, делает переводы с финского языка. К профессиональной деятельности как программиста, бухгалтера, переводчика, гида, модели, продюсера относится организация фестивалей, межкультурных мероприятий, музыкальных шоу, дефиле. Это четвертая книга автора. Сайт по литературной деятельности www.golubeva-svanberg.ru.

ЧУХОНСКАЯ ПОВЕСТЬ

(Вера остается)

Буду громко смеяться и песни орать,

Беспардонно пугая случайных прохожих,

Город свой на Неве вспоминая опять

И кричать, что на финку совсем не похожа...

С благодарностью Арине Энкель и Олегу Дмитриеву за поддержку как дружескую, так и лингвистическую

Вступлением перед вступлением

Эта повесть уже была опубликована в разных форматах в альманахах, посвященных Финляндии, и сразу скажу, чтобы не мучить читателя, что мой папа ее прочитал, хотя я немного боялась, что не успеет. Я решила оставить без изменений предыдущее вступление от автора, чтобы читателю был понятен побудительный мотив написания. Я оставила без изменения и остальное, хотя меняюсь я, и меняется мой взгляд на многие вещи. Для меня сейчас редактировать текст – это все равно, что вносить коррективы в свои ранние стихи: себя взрослую туда не вставишь, а если и вставишь, то разрушишь очарование простоты.

Моей автобиографией по-прежнему интересуются самые разные люди, поэтому захотелось издать ее отдельной книгой, чтобы не рассказывать всем одно и то же, а просто давать как визитку для прочтения. Прошу помнить, что это художественное произведение: имена персонажей и некоторые обстоятельства изменены.

Вызывало вопросы название: что такое чухонская? Если руководствоваться википедией, чухна – это карело-финское население окрестностей Петербурга, «приют убогого чухонца» находим еще у Александра Сергеевича Пушкина. Когда я захотела перевести название книги финнам и ввела слово «чухонский» в гугле, переводчик выдал два финских слова, которые на русский можно перевести как «питерский финн». Я поняла, что это идеально про меня. Я даже хотела дать второе название книге – «Петербургская финка», но решила все-таки остановиться на подзаголовке «Вера остается»: я совсем не случайно выбрала для героини это имя. Название получилось не однозначное, читатель поймет почему.

Книга для моего отца

От автора

Так часто бывает: победы, награды, звания, призы, медали – ради одобрения или внимания единственного человека. Вроде бы для всех, а на самом деле для него...

Мою первую книгу мой отец не осилил, вторую, заинтересовавшись тем, что распродана первая, – прочитал и даже сказал, что написана хорошо, только «не для него». И тогда мне стало интересно: а что для него? Я не пишу исторические романы и детективы – то небольшое, что он читает. И все-таки мечтаю написать книгу для своего отца.

Папа любит меня, а моя жизнь очень тесно связана с Финляндией. Я живу здесь уже 25 лет, а отец по специфике своей работы – невыездной. Он никогда не был у меня в гостях, как, впрочем, и за границей вообще. Теперь уже понятно, что никогда и не приедет. На девятом десятке люди не очень рвутся путешествовать по миру. Он даже никогда не держал в руках свой загранпаспорт, потому что его просто никогда не существовало. Бывает же такое. А мой финский паспорт пестрит отметками не только российской таможни, но и других государств мира. Мне легче перечислить страны, где я не была, чем те, где была.

Отец никогда не прогуливался даже до ближайшего приграничного города Лаппеенранта, до которого рукой подать и который не посетил только ленивый петербуржец. Папа не знает, что это за страна, в которой живет любимая дочь, он никогда тем не был и не будет. Конечно, лучше один раз увидеть, чем прочитать. Но другого выхода нет.

Жили-были в краю Тысячи Озер...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УГОЛ ЗРЕНИЯ.

Вера часто вводила людей в заблуждение своей внешностью. "Блондинка и дурочка", – думали про нее. А что еще можно думать про девушку с натуральным окрасом светлых, как белая ночь в Петербурге, и длинных почти до пояса волос, с лебединой шеей, ногами, бесконечными, как автомагистралью ночью, и стройными, как портик Эрмитажа, с золотым сечением во всех возможных и невозможных пропорциях тела? Вряд ли, сразу придет на ум физико-математическая школа и красный диплом института.

Однако Вера была одной из лучших учениц с аналитическим умом и развитым воображением, побеждала на районных и городских олимпиадах по физике и математике, на конкурсах чтецов, танцоров и художников.

Сейчас, глядя на традиционный финский пейзаж за окном, Вера высчитывала, насколько изменился угол зрения на него по сравнению с десятью прошедшими годами. "Градусов 30? 40? Да нет, все 50, а то и 60 будет. Это все-таки был соседний дом".

Вера занималась сейчас геометрией совсем не от страстной любви к ней, а чтобы справиться с навернувшимися непонятными слезами, мешающими смотреть на эту повзрослевшую на десять лет березу, погрузневшую тропинку к озеру, поседевший берег в камышах... Много долгих томительных лет в самом разном настроении изучала она этот пейзаж за окном, он то радовал ее, то наводил тоску, он стал желанным и надоевшим, как дальний родственник. А потом больше десяти лет она не видела его, не вспоминала и не скучала. И вот сейчас смотрела на него из окон соседнего дома, и воспоминания захлестнули ее, как одинокую лодку в бурную штормовую ночь...

Глава 1

Обычную восьмилетку Вера закончила в Ленинграде. Учиться было легко. Особенно хорошо ей давались точные науки. Учительница математики вообще души в ней не чаяла, Вера говорила ответ, едва преподаватель успевала дочитать до конца условие задачи. Учительница бы с удовольствием отпускала бы Веру со своих уроков, но боялась директора, поэтому просто разрешала брать Вере с собой на уроки рукоделие. С физикой тоже все было замечательно, и Вера уже привыкла к своему статусу «одного из лучших аналитических умов школы». Поэтому после обычной восьмилетки она понесла документы в физико-математическую школу.

Там все оказалось не так просто. Четверок и пятерок больше не было. Понятно, что в этой школе собрались лучшие аналитические умы района, и ко всем требования были жесткие, если не сказать жестокие. Самой строгой была физичка. У нее на первом году обучения высшей оценкой была «три с минусом». Когда в конце первого полугодия Вера получила, наконец, эту вожаделенную оценку, она радовалась ей, как новогоднему подарку. Во втором полугодии Вера

вышла на твердую тройку, а в конце девятого класса даже стали проскальзывать «четверки с минусами». В десятом классе за первое полугодие Вера получила твердую «четверку», а за годовую контрольную – даже «пять с двумя минусами». К экзаменам Вера готовилась более чем тщательно. Для поступления в институт очень желателен был красный диплом, а для этого надо было получать «пятерки». Просмотрев все экзаменационные билеты, Вера поняла, что знает материал довольно твердо по всем билетам, кроме трех. Именно с них и начала. Она настолько тщательно их проработала, окончательно поняв этот материал, что уже стала мечтать об одном из них на экзамене. Мечты сбываются. Та-да-да-да. Она вытащила именно один из этих трех билетов и получила заслуженную «пятерку», так что, в диплом пошло «пять», и он покраснел от удовольствия.

Надо сказать, что Вера была одаренной девочкой во многом. Пожалуй, единственное, что ей не давалось, это география и ориентация в пространстве. А со всем остальным было хорошо. Еще в первом классе Вера участвовала в конкурсе художественных работ и рисунков ко Дню космонавтики. Верин папа был связан с космосом, Вера любила этот праздник и с упоением, высунув язык, наклеивала на синюю бархатную бумагу вырезанные из конфетной фольги золотистую и серебристую ракеты. В конкурсе участвовали все, даже старшеклассники, а первое место заняла Вера.

После этого через ее жизнь прошло много разных конкурсов, в которых Вера побеждала, но тот был первым, поэтому запомнился на всю жизнь.

Физико-математическая школа была сильна преподаванием не только точных наук, но и гуманитарных. Химию в классе Веры вела народный учитель республики, а литературу – член союза писателей, чьи уроки Вера особенно любила. Благодаря своему преподавателю она стала победителем конкурса чтецов и совершенно утратила страх перед чистым листом бумаги (компьютеров тогда не было). Каждый урок начинался с так называемой «десятиминутки»: давалась тема, первое слово или буква, одно предложение, с которого начинается текст, и за десять минут надо было исписать двойной листок. Орфография и пунктуация не проверялись и не учитывались, для этого существовали уроки русского языка, а здесь занимались просто «писаниной». Совсем не удивительно, что бывшие одноклассники Веры легко и свободно излагают свои мысли и владеют словом, некоторые стали литераторами и журналистами, среди них есть даже Золотые перья России.

В институт Вера поступила без проблем. Ей надо было сдать один вступительный экзамен по физике. Попался закон Кулона, который она изложила в квантовой теории. Преподаватель, принимавший экзамен, долго бегал с ее листком по экзаменационной комиссии, а члены ее так смотрели на работу Веры, как будто увидели инопланетян в своем кошельке. Вера даже стала волноваться, все ли с ними в порядке. После экзамена ее сразу зачислили в институт на обучение по специальности «Электронно-вычислительные машины».

Институт Вера тоже закончила с красным дипломом и распределилась в обычное научно-производственное объединение, где можно было бы безбедно существовать до пенсии на приемлемую зарплату.

Возможно, для кого-то и ожидаемо, только не для Веры и ее сослуживцев, в стране грянула Перестройка. Ручеек государственных средств на поддержку так называемой науки стал пересыхать, а потом и вовсе почти иссяк, а вся добротна выстроенная и отлаженная научно-производственная система стала разваливаться. Руководитель лаборатории, где работала Вера, – профессионал высочайшего класса с нестандартным мышлением, недюжинными организаторскими способностями и, как ни странно, христианскими ценностями, создал кооператив, куда забрал всю свою лабораторию вне зависимости от личных успехов и мировоззрений каждого. Вера не чувствовала себя там лишней. Она не только выполняла свою часть работ, связанных с программированием, но и занималась сбором необходимых бумаг

для составления заказов и бухгалтерии, установлением контактов и оформлением документов, что всегда любила и умела делать и делала это аккуратно.

Подруга Аня, у которой были финские, а вернее, ингерманландские корни, предложила пойти на курсы финского языка. Мысль показалась Вере здоровой: ну не японский же учить, живя в паре сотне километров от финской границы. Язык оказался сложным, но интересным. Разгадывать его секреты было сродни поиску ошибки в заартачившейся программе. Да и компания на курсах была хорошая, остроумная, учиться было весело. Можно было поговорить с нарочитым финским акцентом, посмеяться, найдя неожиданные языковые созвучия, типа финского "paha mieli" (пахамиели), означающее "плохое настроение", с нашим прозаичным родным "похмельем". Таких пересечений находилось довольно много. Семантические раскопки приносили Вере удовольствие. По характеру своему она была археологом слов, знаков, снов, смыслов... Курсы стали для нее своего рода отдушиной в череде рабочих будней.

Корочки об окончании курсов после серьезного экзамена были успешно получены и затем мирно пылились среди прочих документов. Между тем, в городе стали возникать и расти, как одуванчики после зимы, совместные предприятия, в том числе российско-финские. Хотя многие из них и пропадали довольно быстро, как те же одуванчики в разгар лета, тем не менее, Вера сходила на пару собеседований. После них она поняла, что ее устный финский, мягко говоря, не очень понятен финнам, а их финский и вовсе тяжел для ее понимания. Пока она рассказывала на финском домашнюю заготовку о себе, финны хоть и с легким напряжением, но все-таки удовлетворенно кивали. Когда же они начинали задавать вопросы и вступать в диалог, всякая иллюзия взаимопонимания пропала. Вера поняла, что ей нужна языковая практика с носителями языка.

Глава 2

Вера шла обычным маршрутом на работу от метро "Петроградская" на свою Петрозаводскую улицу. Проходя киоск Союзпечати на углу с улицей Ленина, Вера решила купить газету "Реклама-шанс", которая была реальным шансом к поиску нового в жизни. Милый и разговорчивый старичок-продавец, протягивая газету, пожелал Вере хорошего жениха. Об этом в связи с "Рекламой-шанс" Вера никогда не задумывалась. Единственное, что она просматривала в этой газете, – объявления, связанные с деловой жизнью. В этот раз ничего интересного не было. "А что у нас с женихами?" – мысленно и шутя поинтересовалась Вера, открыв соответствующий раздел, и сразу увидела объявление, кардинально изменившее ее жизнь:

"Мужчины из Финляндии и Швеции ищут жен в России".

"Таак, вот так в России разводят... кроликов, – подумала Вера. – Конечно, надо выслать куда-нибудь в конвертике 10, 20, а то и 100 долларов и ждать у моря погоды триста световых лет..."

Нет, выслать просили только фотографии лица и фигуры, краткие сведения о себе и указать знание языков.

Привыкшая все делать точно и аккуратно Вера так и поступила. Ни на что особенно не надеясь и не ожидая перемен в личной жизни, она хотела найти финнов для переписки и практики финского языка как письменного, так и устного.

Вскоре пришло первое письмо от Ари Стенберга. Оно было коротким и информативным, написано разборчивым почерком, печатными буквами. Вера практически все поняла из этого письма, несколько слов посмотрела в словаре и кое-что спросила у бывшей преподавательницы. Ей понравилась аккуратность и вразумительность автора письма. Завязалась переписка. Знание финского языка позволяло Вере писать именно такие лаконичные письма, как писал и Ари. Они стали посылать фотографии, постепенно обмениваясь все новой и новой информацией друг о друге.

А потом последовал какой-то шквал писем со всей Скандинавии. Вера получала письма из Финляндии, Швеции, Норвегии. Видимо, брачное агентство расширило свою деятельность. Письма приходили в основном на английском языке, которым Вера владела слабо. Все-таки задача у нее была изучать финский, поэтому "английские" письма она передавала подругам и знакомым. Были письма и на финском. Только написаны они были или крайне неразборчивым почерком или являлись такими многословными, что читать их Вере было невыносимо, и она сразу откладывала их в сторону. Тем более, она уже привыкла к стилю Ари, этот финский мужчина нравился ей и по фотографиям и по письмам. Поэтому Вера решила больше никому не писать, тем более, что Ари предложил встретиться. Он собирался купить тур и приехать в Санкт-Петербург, только что вернувший себе свое былое имя.

Только после нескольких лет супружеской жизни с Ари Вера смогла оценить весь героизм его поступка. Он, всю свою жизнь проживший в финской глубинке, никогда не бывавший даже в Хельсинки, никогда не видевший ни метро, ни трамваев, ни троллейбусов, не владеющий никакими языками, кроме финского, решился приехать в этот огромный чужой город ради Веры.

Глава 3

Прошло полгода с начала их переписки. Стоял ласковый и беспечный сентябрь. Вера подходила к метро "Балтийская", разукрашенная как индеец-ирокез и обвешенная бирюльками, как новогодняя елка. Не смотря на весь этот антураж, она ему сразу понравилась – почувствовала Вера. Его она тоже узнала сразу. Он выглядел как инопланетянин на чужой земле в этой не к месту простой и удобной одежде, вобравший голову в плечи под шумящим сводом станции в стороне от мельтешащей воронки людей, готовой поглотить и перемолоть его. Первое, что почувствовала Вера, была жалость к этому человеку и смутное восхищение его стойкостью. Вере захотелось погладить эту большую коротко стриженую голову и прижать ее к себе, что она и сделала, как только они оказались в номере его гостиницы. А он, опустившись на пол и усадив ее на кровать, стал целовать ее колени. Слова им были не нужны. Больше ничего не было между ними, но что-то главное состоялось. Это почувствовали оба.

Поэтому Вера совсем не удивилась, когда на третий день, перед своим отъездом из России Ари сделал ей предложение. К тому времени они уже сносно объяснялись жестами и даже вербально с помощью словаря. Чтобы уточнить правильность понятого ею вопроса, Вера нашла в словаре слова "стать", "жена", и после утвердительных кивков Ари нашла и показала ему слова "думать" и "писать".

После того, как жених уехал, Вера почувствовала, что на небесах главное уже решено. Хотя все оказалось не так легко.

Откуда Вера знала про помолвку, она уже не помнила. Может, учительница на курсах финского языка рассказывала, а, может, читала где-то... Сначала покупаются помолвочные кольца, золотые, но довольно простые, и в кругу близких друзей и родственников празднуется помолвка. А на свадьбу покупаются обручальные кольца. Обычно они дороже, и кольцо жены может быть выполнено с одним крупным бриллиантом или несколькими средними, мелкие и бриллиантовая крошка используются для изготовления помолвочных.

Подумав не очень долго, скорее, для поддержания равновесия во Вселенной, чтобы там не было излишней суеты, Вера написала Ари, что согласна и что он может покупать кольца для помолвки. Она сняла со своего безымянного пальца правой руки колечко, подаренное родителями на 18-летие, провела карандашом по его ребру и сделала оттиск на открытке, потом чтобы не стерлось, обвела кружок шариковой ручкой и отправила Ари. Поэтому приехавший в декабре жених привез кольцо, точь-в-точь подходящее на указательный пальчик невесты, чем

были горды все: и жених, и пальчик невесты, и ее родня. Родни жениха не было на помолвке, состоявшейся в декабре в день рождения Веры.

К началу 90-х оформить брак с иностранцем и уехать за границу стало, конечно, уже легче, но все равно мытарств оказалось достаточно.

Для того чтобы подать документы на оформление брака с российской гражданкой, иностранец должен был приехать в Россию не как турист, а по приглашению и зарегистрировать визу. Приглашение иностранца в страну – тоже процедура не совсем простая.

Начались хождения по ОВИРу и прочим инстанциям сначала одной Веры, а потом совместные с Ари.

В единственном Дворце Бракосочетаний, который регистрировал браки с иностранцами, на приеме у заведующей, которая почему-то весьма неохотно сообщала сведения (видимо, требовался материальный стимул, который Вера не умела преподнести, и на всем долгом и тернистом бюрократическом пути подачи документов они с Ари обошлись без этого), Вере удалось выяснить список документов, необходимых для подачи на регистрацию брака. Нужны были: нотариально заверенный перевод паспорта иностранного гражданина, его виза с регистрацией в ОВИРе по месту жительства и справка из его родной страны, что он в браке не состоит, с апостилом, то есть легализованная по международным нормам. Сбор необходимых документов отнимал силы и время, которого катастрофически не хватало, поскольку Ари приезжал на несколько дней, отпросившись с работы. Официальных переводчиков финского языка в те времена было немного, к ним требовалось заранее записываться на прием, не то, что сейчас, когда за один день можно проверить все необходимые процедуры.

В ОВИР тоже было попасть нелегко. Вере приходилось отпрашиваться с работы и сидеть в очередях, которые стали привычными даже для Ари. Причем, тот как-то очень легко мимикрировал под русского, и к его располагающему и открытому лицу стекались люди с вопросами, от которых Вера пыталась его оградить, так как по-русски он не понимал, но очень убедительно кивал. Однажды какой-то парень даже рассердился на Веру:

– Что ты за него-то отвечаешь? У него спрашиваю, а не у тебя.

– Так он финн. На каком языке вы с ним будете говорить?

– Финн? Что-то не похоже. Не врешь? Ну, ладно, давай тогда ты рассказывай, что нужно для оформления приглашения.

В первый приезд Ари не удалось собрать все необходимые документы, просто физически не хватило времени. Пришлось опять оформлять приглашение. Процедура была уже обкатанная и знакомая. Второй раз прошло без сбоев. Наконец, все необходимые бумаги были собраны, и "молодые" радостно пошли во Дворец Бракосочетания (опять без подарка). Уже знакомая заведующая встретила их сурово, Вера почувствовала недоброе. Так и есть:

– А что за справку он привез?

– Что в браке не состоит, как вы сказали.

Вера прекрасно помнила, что заведующая называла документ именно так, потому что сразу после приема записала себе все в записную книжку.

– Я вам говорила, девушка, что нужна справка о том, что у него нет препятствий к браку. Это совсем другой юридический документ. Человек может в браке не состоять, но у него могут быть препятствия к браку в виде психических болезней и отклонений и прочего.

Спорить было бесполезно.

Вера опять пошла в ОВИР занимать очередь на оформление приглашения для иностранца. Процедура становилась уже рутинной.

Когда Ари приехал в следующий раз с нужной справкой, в кабинет заведующей входили уже не так уверенно. Предчувствие не обмануло:

– Все документы собрали?

– Вроде все.

Заведующая стала перебирать принесенные бумаги:

– Перевод паспорта устарел, он действителен два месяца.

– Так Ари же не менял паспорт. В нем ничего не изменилось.

– Закон есть закон. Если в ближайшие дни сделаете перевод, приходите ко мне на прием в четверг.

Был понедельник. Во вторник Ари надо было на работу.

В ОВИРе встретили Веру как свою:

– Опять за приглашением?

– Да.

Ари приехал опять. Они снова делали перевод паспорта, нотариально его заверяли, регистрировали в ОВИРе визу. Собрав весь пакет, снова отправились во Дворец Бракосочетаний. Заведующая была в отпуске. Их встретила приветливая и милая ее заместительница. Она посмотрела бумаги. Вроде, все в порядке, только по недосмотру и незнанию Ари на справке об отсутствии препятствий к браку стоял не апостиль, а какая-то другая печать (прошлый раз заведующая это не сказала).

– Ничего страшного, – сказала приветливая работница Дворца, – документ можно легализовать здесь в министерстве юстиции, предварительно сделав перевод в финском консульстве.

– Как же мы успеем? Вы до которого часа принимаете?

– До часу. Я вас подожду, если опоздаете.

Времени было девять часов утра, начало десятого.

Вера с Ари вышли в приемную. "Подожди", – сказала ему Вера по-фински. Он смиренно сел на стул. Вера отошла к окну:

– Значит так, Господи. Если ты не хочешь этого брака, мне не надо так долго это втолковывать. Если нет значит нет, я не выйду замуж за этого человека. Однако последнюю попытку я сделаю. Если сегодня у нас не возьмут документы, больше попыток делать мы не будем. Останемся друзьями.

После этого Вера глубоко вздохнула, под села к Ари и стала объяснять ему все трудности предстоящего дня (словарь всегда был с собой):

– Послушай, нам надо сделать перевод твоего документа на русский язык в финском консульстве, заверить его там, потом легализовать в министерстве юстиции и приехать сюда до 13 часов. Иначе опять ничего не получится. Мы успеем сделать это, только если будем ездить по городу на такси. Это довольно дорого. У меня нет таких денег. Что у тебя?

Ари достал бумажник и отдал Вере аккуратно сложенные финские марки:

– Сколько надо? Хватит?

Вера взяла все:

– Не знаю. Их надо еще поменять на рубли, так как марки нигде не принимают. И я знаю только одно место, где меняют валюту на рубли. Сейчас мы поедem туда на такси на те рубли, что есть у меня. А там поменяем на всякий случай все твои деньги.

Ари согласно кивнул.

Время пошло.

Вера абсолютно не нервничала, просто делала то, что надо было сейчас сделать. Валюту они поменяли довольно быстро, в финском консульстве пришлось подождать, в министерстве юстиции была заминка, но тоже, в конце концов, повезло, и документ они получили.

Вера посмотрела на часы: 13.00. "Понятно, Господи. Значит, не судьба". Они все-таки вышли на Адмиралтейскую набережную, остановили машину и поехали к Горьковской. Когда они высаживались у Дворца Бракосочетаний, времени было 13.27.

Милая женщина-заместитель заведующей их ждала. Вера не поверила своим глазам:

– Вы нас ждете?

– Я же обещала.

– Этого не может быть.

Она взяла все документы.

– Могу предложить на выбор три даты: 6 мая, 10 мая и 30 мая.

"Уже май, – пронеслось у Веры, – а мы думали, что справим свадьбу зимой. Вот как все затянулось. Еще говорят, что в мае только маяться. Мы уже достаточно помаялись".

– Ну что ж, берем май, – вслух сказала Вера. – Вопреки всему. Больше ждать не будем.

– А число какое?

Вера посоветовалась с Ари, ему было все равно.

– Тогда самое раннее: 6 мая. Сколько можно ждать. А вам огромное спасибо!

Когда пришли домой, Вера посмотрела в календаре: 6 мая – День Георгия-Победоносца. Так победим! Пора было готовиться к свадьбе.

Лирическое отступление

Прабабушка Домна безумно любила своего мужа – Вериного прадедушку Федора. В данном случае «безумно» отнюдь не преувеличение и не образ. Федор погиб во время Первой мировой войны на Германском фронте совсем молодым. Домна дожила почти до 100 лет. Вера смутно помнила парализованную безумную старуху, называвшую меня «пацаненком». У прабабушки после смерти мужа началось воспаление мозга, после которого она выжила в прямом смысле слова, но «выжила из ума». Она не помнила кто ее дети, внуки, правнуки, какого они возраста и пола. Путая и забывая всех и вся, она, тем не менее, помнила подробности совместной жизни с Федором, мельчайшие черточки его характера, слова, когда-то сказанные им. Бабуся (как ее называли домашние) была очень набожной, во время православных постов она сидела только на воде и хлебе, не позволяя себе ничего лишнего. Она никогда не снимала с себя огромного серебряного креста, который ее дочь, бабушка Веры – жена партийного руководителя, хотя и крещеная, после смерти Домны прятала в ящике комода, и который – так сложились обстоятельства – все-таки надела незадолго до смерти. Бабуся в последние годы своей жизни не вставала и даже шевелилась с трудом. Вера помнила замолкавшие при ней или переходящие в шепот, отчего казавшиеся еще более зловещими, разговоры о пролежнях бабуся.

Все, что интересовало Домну, это ее воссоединение с Богом и Федором. Фотография погибшего мужа стояла на комод в другом углу от кушетки, на которой лежала парализованная бабуся, и достать портрет со своего места она никак не могла. Тем не менее, каким-то непостижимо-мистическим образом к несказанному удивлению окружающих фотография прадеда оказывалась у Домны под подушкой. Бабушка Веры забирала ее оттуда, расправляла и ставила обратно на комод. Через какое-то время фото опять оказывалось у прабабки. Она была верна своему Феде всю жизнь и любила его до самой смерти.

Эту фотографию Вера потом привезла с собой в Финляндию. На ней – двое, оба в военной форме царских времен, в головных уборах с надписью «4.Ф.». Один – красавец-брюнет со щеголеватыми усиками, второй – блондин с простоватым лицом и мелкими чертами. Прадед Веры – конечно, первый. Видимо, эта фотография так долго и часто была у Веры перед глазами, что в молодости ей нравился только такой тип мужчин. Второй служивый никогда особо не привлекал внимания Веры, и она всегда впадала в крайнее недоумение от вопроса знакомых: «Кто из них твой прадед?».

У Веры хранится увеличенное и слегка обрезанное фото, хотя на оригинале была надпись «Uleaborg». Это шведское название города Оулу. Фото сделано там. Удивительное дело, прадед служил в Финляндии, в городе Оулу, а Вера тоже побывала там неоднократно, даже гостила у своей подруги. Такую необычную петельку проделала судьба ее рода.

На фото у прадеда забинтован палец, бабушка рассказывала, что Федор поранил его о косу. Вот так предок «прокосил» Вере дорогу в Финляндию.

Глава 4

На дворе стоял 1993 год, когда "по холодильнику каталось одно яйцо", как говорила мама Веры. Ари это очень быстро понял, и только в первый свой приезд он приехал с пустыми руками. Получив на завтрак это катающееся по холодильнику яйцо и ничего больше, в следующие свои заезды он привозил целые сумки еды.

Так договорились и на этот раз. Поскольку гостей на свадьбе будет немного – человек десять, а с едой и деньгами в России – проблематично, Ари привезет закуски к столу из Финляндии. Все остальное Вера взяла на себя. Оставив непотраченные 150 марок, Ари уехал на месяц, чтобы встретиться с невестой уже на свадьбе. Его родственники на торжество в Россию не собирались, поэтому, по крайней мере, эти хлопоты не стояли на повестке дня.

Времена были трудные для всех, поэтому, составив список гостей, Вера договорилась с ними, что вместо подарка каждый из них внесет свой вклад в подготовку к свадьбе. Это всех очень устраивало. Получилась такая свадьба в складчину: мама оплатила прокат свадебного платья для невесты, папа – свадебный торт, супружеская пара свидетелей предоставила свою машину для поездки по городу – во Дворец, на Стрелку Васильевского острова, к Медному всаднику и домой. Кто-то купил украшения к платью, кто-то оплатил прическу и макияж, кто-то приготовил что-то к столу. В общем, все получилось без помпы, но мило.

Приехавший Ари счастливо осматривал красавицу-невесту и все, приготовленное для торжества.

Вера практически не спала накануне свадьбы, ей мерещилось, что заведующая Дворца находит новые придирки, чтобы их не зарегистрировать: или длина платья не та, или кольца не подходят, или в день свадьбы надо бежать за получением еще какого-нибудь документа. Да, кольца у них, действительно, были не те, вернее, те же самые – помолвочные. Видимо, Ари так поиздержался на все эти поездки в Россию (тогда Вера еще и представить не могла, как он поиздержался), что предложил купить обручальные кольца попозже. Надо сказать, что это попозже так никогда и не наступило. Всегда, когда они вспоминали про обручальные кольца, предстояла какая-то более насущная покупка.

Не смотря на мнительность Веры, церемония бракосочетания прошла замечательно, поездка по городу была запоминающейся, фотографии получились качественные и красочные (тоже чей-то подарок). Праздничный стол оказался отменным, благодаря готовившим гостям, финскому сервелату и прочим экзотическим в ту пору для России финским закускам. Правда, подружки сидели немного грустные. Нет, не завидовали, многие из них уже были счастливо замужем, а просто понимали, что Вера уезжает, если не навсегда, то очень надолго, и уезжает в неизвестность. Одна из них так и сказала Вере:

– Ты хоть знаешь, куда ты едешь? Ты же только по фоткам все видела. Он их мог наснимать где угодно. Вот тебе и машина, и дом, и вся бытовая техника, а приедешь – там каморка Папы Карло с грязной тряпкой на стене. И что ты будешь делать?

– Слушай, это же не Арабские Эмираты или Турция, а Финляндия. Не надо меня пугать. Я доверяю Ари, и все у нас будет хорошо.

Совсем хорошо не было уже в первую брачную ночь. Вера принципиально не соглашалась на секс до свадьбы, а жених хотел только того, чего хотела Вера. И вот это состоялось. Что Вера могла сказать? То, что если бы это случилось до свадьбы, то никакой свадьбы не было бы. Оправдывало Ари то, что Вера, судя по всему, была его первой женщиной. Вера опять испытала к нему чувство какой-то щемящей жалости и решила: "Все. Мы летим в одном космическом корабле, и выхода из него нет. Будем работать над этим вопросом".

К счастью, время подумать на том, как она будет работать над этим вопросом у нее не было – Ари уезжал на следующий день. А Вера должна была собрать необходимые документы типа свидетельства о крещении с переводом на финский язык, которое, по сути, потом не понадобилось, так как они не венчались, заверить апостилем свидетельство о браке, оформить отпуск и многократную визу как жене финна и приехать к Ари через месяц, в июне, знакомиться с местностью и родней. Окончательный ее переезд в Финляндию они с мужем планировали на осень.

Научно-производственное объединение, в котором работала Вера, как-то держалось на плаву, искало новые коммерческие заказы, благодаря которым выживало. Основным направлением деятельности были приборы для ювелирной промышленности, геофизики, метеорологических служб. Закончилось время просиживания рабочего времени, каждый специалист был на счету. Верина лаборатория программирования занималась программным обеспечением для всех этих приборов, Вера стала руководителем целого направления и отвечала за функционирование одного из приборов вместе с программами. Непосредственный начальник Веры, узнав о ее браке с иностранцем, опечалился, но отнесся к этому философски.

– Верочка, ты сейчас уходишь только в отпуск на месяц, а потом до осени на тебя все же еще можно рассчитывать?

Проходивший мимо начальник отдела, болезненно реагирующий на слово "отпуск", вскинулся:

– В отпуск никто не уходит, пока не сдадим все три прибора.

Непосредственный начальник деликатно взял начальника отдела за локоток и отвел в сторонку, после чего заявление Веры об отпуске было завизировано.

– Что вы ему сказали? – не могла скрыть удивления Вера.

– Я ему сказал, нужен ли нам в дополнение к нашей критической финансовой ситуации еще и международный скандал. Он – человек разумный и сразу решил, что это ни к чему. Когда едешь, Верочка?

– Первого июня. – Вера расцеловала своего начальника, к которому всегда испытывала чувство благодарности и симпатии. Через пару лет после этого он сам уехал в Америку, и они с Верой поддерживали уже финско-американские связи.

Вера поехала до Лапшеенранты, так было проще всего и дешевле. Ари ждал ее там. Вера увидела шикарную машину и с облегчением вздохнула:

"Даже если будет каморка Папы Карло, можно будет первое время пожить в машине, а потом ее продать". Она и не подозревала, как близка была от истины.

Путь предстоял не ближний – около 700 километров на север Финляндии.

Вера не смогла дремать, всю дорогу она смотрела в окно, хотя пейзаж и не отличался разнообразием. До этого Вера ездила в турпоездки в Болгарию, Польшу, Чехословакию, в капиталистическую же страну попала впервые. Все ей было интересно. И озера, и леса, и дороги – все ей казалось капиталистическим: слишком чистое, ухоженное, хотя и сделанное с заботой о природе и человеке.

Ехали долго. И по всем прикидкам Веры давно должны были приехать. Все-таки дорога утомила, хотелось уже выйти из машины хоть где-нибудь. Муж молчал. Они свернули с асфальтовой дороги на грунтовую, а потом в какой-то неприметный двор. Справа стоял совсем не новый деревянный дом желтого цвета, слева – обшарпанный красный сарай, за ним – еще один. Во дворе неопрятно лежал какой-то инструмент и инвентарь. Рядом не было никаких построек и соседних домов. Похоже на заброшенный хутор.

"Ну вот, – подумала Вера. – Вот оно, начинается".

Муж по-прежнему молчал, несмотря на ее вопросительные взгляды. Из дома вышли мужчина и женщина, Вера узнала по фотографиям – отец и мать Ари. Начался «радушный прием», в течение которого Ари практически не проронил ни слова. Потом уже Вера узнала, что такова манера общения в этой семье, по крайней мере, с ее мужем – говорят отец и мать, а Ари слушает, ест, пьет кофе, чинит машину и практически ни о чем не говорит. Фразы, если и произносятся, то весьма и весьма лаконичные. Потом уже Вера приноровилась общаться со свекром и свекровью, но сейчас-то она совсем не понимала, о чем они говорят на своем саволайском диалекте, Веру же на курсах учили финскому литературному языку и хельсинкскому произношению. Да и о чем говорить с практически незнакомыми людьми? Они что-то говорили про кофе – "kahvi" – это слово она знала. Вера спросила про туалет и где помыть руки. Оказалось, что туалета в доме нет, та вторая сараюшка за обшарпанным гаражом и была "биотуалетом" – дырка в деревяшке. "Хорошо, что июнь месяц, а не зима", – подумала Вера.

Горячей воды тоже не было. Веру проводили в сауну, соседствующую с туалетом, там из ковша муж полил ей на руки горячей воды из подогретой бочки.

Вера уже ни о чем не порывалась спросить мужа, а просто анализировала в уме ситуацию: "Интересно, нам предстоит здесь жить? Как долго? Каково финансовое положение моего мужа, если родители живут в такой нищете?"

Она покорно пошла в избу тоже не образцового вида. Там на столе стояли чашки и огромный красивый самодельный торт. За всю дорогу они с мужем толком не поели, и Вера немного удивилась, что их после долгого пути встречают такой едой, но делать было нечего – очень хотелось есть, и она съела огромный кусок, чуть ли не четверть всего торта. Как оказалось, зря. Потому что после того, как чайно-кофейные принадлежности были убраны, на стол стала подаваться нормальная еда: помидоры, огурцы, хлеб, картошка, мясные шарики-котлеты. Вера уже есть не могла, поэтому с завистью смотрела на мужа, который после двух чашек кофе и миниатюрного кусочка торта с удовольствием поедал котлеты и все остальное.

За столом родители постоянно что-то говорили, но Вера уже утратила способность воспринимать их язык, знакомые слова практически не попадались, да и скорость речи, не смотря на анекдоты про заторможенность финнов, была довольно высокой.

Вера уже устала улыбаться и кивать, ужасно хотелось спать, по крайней мере, отдохнуть, но как это сделать, она не знала.

Тут муж стал жестами ей показывать на машину. Вера подумала, что надо пойти выгрузить вещи. Оказалось, что надо куда-то ехать еще. Она с облегчением распрощалась с родителями, попозировав перед фотоаппаратом свекра в разных комбинациях то с Ари, то со свекровью, то одной, и села в машину уже в полной прострации. Никаких вопросов в ее голове больше не возникло, она доверилась ситуации полностью и теперь ждала, что же будет дальше.

Дорога заняла еще часа полтора. Была уже поздняя ночь, когда они въехали на комфортабельную стоянку перед новеньким двухэтажным многоквартирным домом в небольшом поселке городского типа. Ари взял вещи, и супруги поднялись на второй этаж. То, что увидела Вера, было наградой за весь напряженный день пути – совершенно новая, чистая, удобная, прекрасно обставленная однокомнатная квартира, кухня со встроенной мебелью со всем необходимым инвентарём, туалет и душ – ура! – Вера первым делом рванулась туда с выданным ей мужем полотенцем. Она мылась под душем и смеялась, пела и ликовала. Сейчас и здесь она была счастлива, еще не подозревая, что ее ожидает в ближайшем будущем.

На следующий день они пошли в полицию. Цель визита была Вере не очень понятна, но после счастливого завершения вчерашнего дня, она стопроцентно доверяла мужу. На всякий случай Вера прихватила с собой два словаря, финский и английский, как оказалось, не напрасно. Беседа затянулась на два часа. Женщина-полицейский Туула, с которой в дальнейшем через пару лет Вера оказалась в одном учебном заведении и подружилась, проявила ред-

костное терпение. Она пыталась втолковать Вере на обоих языках попеременно, что нужен ее паспорт для оформления ей вида на жительство как жене финна сроком на полгода с дальнейшим продлением. Вера же ни в какую не хотела отдавать паспорт, боясь, что ей его не вернут в нужный срок, и она не сможет уехать после окончания отпуска в Россию. В конце концов, договорились, что Вера и в следующий раз приедет по многократной визе, а вид на жительство будет оформлять уже осенью.

Потекли дни, похожие один на другой. Ари вставал в 5 утра, ехал к 7 на работу в соседний городок. Он работал гидравликом на большой фармацевтической фирме. Чем он там занимался, Вере было не очень понятно, "что-то руками" – объясняла она себе, а когда ее кто-то спрашивал, кто по профессии ее муж, она так и отвечала "гидравлик", с удовлетворением отмечая, что другим это тоже не о многом говорит.

Вера, блаженствуя, спала допоздна, отсыпалась за многие годы работы в России. Все ей здесь доставляло удовольствие: сесть на чистенький унитаз, открыть "евростандартные" краны в душе, легкими прикосновениями регулировать воду, намыливать финский шампунь на забрызганные волосы, обматываться огромным свежим баннным полотенцем, ставить на плиту финскую кастрюльку, кипятить чайник, пить из грубоватых финских чашек, убирать со стола, покрытого клеенчатыми узорными салфетками. Вся еда ей казалась здесь другой, необычайно вкусной, один вид упаковок вызывал аппетит.

Потом она делала уборку или перебирала вещи, или шла гулять. Времени от подъема до прихода с работы мужа проходило незаметно. Ари заканчивал работу в 15 и около 16 был уже дома. Они вместе пили чай-кофе, а потом или шли на пробежку или ехали кататься на велосипедах, после этого ужинали, смотрели телевизор, и сразу после девяти вечера Ари ложился спать. Выспавшаяся Вера долго бодрствовала, бродила по квартире, любовно прикасаясь ко всему, смотрела с наушниками телевизор или читала русские книжки.

Сексуальная жизнь с мужем в этой обстановке оказалась более привлекательной, хотя еще был потенциал "поработать над вопросом".

Вера окунулась в феерию финских магазинов. Как раз начались распродажи, и каждую субботу они с мужем ездили в ближайшие города на шопинг. Ари покупал все, что хотела Вера, а хотела она многого, дорвавшись до такого изобилия. Раз муж так легко все покупает, она не могла предположить, что их семейная экономика балансирует на грани катастрофы.

А самое главное, что больше всего восхищало Веру, был пейзаж за окном кухни и с балкона комнаты: опрятный, почти игрушечный домик, березка и тропинка к озеру в зеленой траве. Будучи городской девушкой, привыкшей к урбанистическим пейзажам, Вера сразу оценила и полюбила этот, вроде бы непритязательный, уютный вид из окна. Она могла наблюдать его часами, ее это успокаивало и гармонизировало. Она представляла, кто живет в этом домике, кто посадил красавицу-березку и куда среди зеленой травы идет тропинка. Однажды она даже не выдержала и пошла к домику напротив. Там была частная территория и, наверное, посторонним туда ходить было нельзя. Вера прислушалась к тишине в доме, все-таки рабочий день – вряд ли, кто-то есть дома – осторожно и бесшумно пошла по тропинке. Разочарование было велико. Ближе к озеру тропинка петляла среди осоки и к берегу не вела, теряясь во влажных кочках. Вера обошла домик с другой стороны, надеясь подойти к озеру, но и там не было подхода. Берег был совсем дикий и заросший. "Странно, – подумала Вера. – Иметь дом у озера и не иметь выхода к воде. Я чего-то не понимаю..."

Она вернулась домой. Пейзаж за окном стал казаться ей еще более загадочным.

ЧАСТЬ 2. В РАЮ

Глава 5

Вера приехала в Санкт-Петербург отдохнувшая и счастливая. Она привезла уйму впечатлений и фотографий. На работе и дома она постоянно давала "пресс-конференции" и "интервью". Два месяца пролетели незаметно. Первого сентября она должна было отчалить в Финляндию насовсем.

31 августа ее с большой помпой проводили на работе, вручив кучу подарков и снабдив горой наставлений.

Параллельно с начавшейся эпопеей по сбору документов для бракосочетания Вера, по настоянию Ари, пошла на курсы вождения автомобиля. Потом уже, переехав в Финляндию она поняла, как же Ари был прав. В сельской местности, с разбросанными на большие расстояния друг от друга населенными пунктами, обойтись без машины было невозможно. А сдать на права стоило 8 тысяч марок, что почти на порядок дороже, чем в России. Да и осваивать правила дорожного движения на родном языке гораздо проще. Ари дал Вере несколько сот марок, оставшиеся средства она собрала сама и с большим воодушевлением занималась на курсах.

Теорию она сдала в ГАИ блестяще с первого же раза. Труднее обстояло дело с вождением. Вера даже на пассажирском сидении в машине сидела не очень часто и все ей там было внове. Такие слова, как "газ", "тормоз", "передача" до курсов были вне зоны ее внимания и доступности. К тому же, у нее было плохое зрение, а значит, рассеянная боковая концентрация. В принципе, с ее зрением нельзя было сдавать на права. Но так уж получилось, что медкомиссию она чудом прошла, ну не отказываться же от чуда. На медкомиссию она пришла в линзах, обошла всех необходимых врачей, испестрив свой обходной лист. Последним был окулист, он уже закрывал кабинет, алчно поглядывая на огромные часы в холле. Вера еле умолила его принять. Он второпях усадил ее на стул с козырьком для закрывания глаза, потыкал в буквы и бухнул печать. Медкомиссия была пройдена, но страх находиться за рулем все же остался.

Тем более, что часов вождения было предусмотрено невозможно мало, да и автопарк оставлял желать лучшего. В соседней группе, например, у инструктора была машина, которая не трогалась с места, если сразу включали первую передачу, надо было сначала покачать на нейтралке, затем воткнуть вторую, а потом уже первую. Это и для водителя со стажем-то – неудобство, а для новичка, впервые севшего за руль, и вовсе "кошмар на улице Вязов". При это, инструкторы нещадно матерились, невзирая на пол и возраст учащегося. Вере повезло: машина была в более-менее приличном состоянии, трогалась на первой передаче, инструктор не матерился, хотя красочные выражения употреблял:

– Ну, что ты сопли-то жуешь у светофора? Поворачивай. Видишь, за нами уже колонна машин выстроилась ... А теперь тормози. Что у нас тут автогонки что ли? Вот будущий нарушитель подрастает.

С первого раза Вера на права не сдала. Проверяющий из ГАИ попался дотошный. Все заплатившие ему через инструктора сдали. Инструктор намекал и ей, что иначе не сдаст. Вера честно сказала:

– Если бы были деньги... А так нечего и говорить.

Тем не менее, для того, чтобы пересдать, надо было набрать еще определенное число часов вождения, а это тоже стоило денег, хотя на взятку их не хватило бы. Вера попросила парня с работы, чтобы он с ней поездил. Сергей согласился. Они катались в обед, но после того, как их однажды увидели вместе выходящими из машины Сергея коллеги по работе, Вера решила это прекратить, чтобы не доставлять неприятностей его семье, да и своей репутации не вредить.

Перед вторым экзаменом по вождению Вера не спала ночь, утром так волновалась, что пролила флакон с дорогими французскими духами, за которыми она стояла на морозе три часа в только что открывшемся в Питере «Ланкоме». Она схватила первое, что попало ей под руку – свой шелковый шарфик, когда-то привезенный старшим двоюродным братом из заграничной командировки – и вытерла с полу духи, не подозревая, какую судьбу она готовит своему аксес-

суару. Он потом долго путешествовал с ней по миру, неизменно напоминая своим не выветрившимся запахом вкус победы – смешанный запах шелка и французских духов. Погода была ужасная, плохая видимость, слякоть. Не смотря на профессиональную закалку и выдержку, инспектор ГАИ сидел не жив, не мертв, когда Вера делала свои крутые виражи, не попросил никаких лишних фигур, даже развернуться. Один раз он дал команду припарковаться, после чего с облегченным "Вы сдали" и необыкновенным проворством выпрыгнул из машины. Вера полетела в ГАИ получать права. Дома у родителей были гости. Все воодушевленно поздравили Веру, усадили за стол. Только долго просидеть она не могла: пошла в соседнюю комнату, легла на диван, положила себе на грудь права, любовно поглаживала их и приговаривала: "Спасибо, спасибо, спасибо..."

Так что, сейчас Вера собиралась в Финляндию в полной боевой готовности: с правами, с вещами, с визой. Вот только на счет визы и паспорта Вере не пришло в голову что-то уточнить в консульстве или где-то еще.

Она опять ехала в Лаппеенранту, ее опять там должен встретить Ари. Маршрут уже был отлажен, так что, ее не смущало наличие багажа в количестве семи мест: здесь проводили, там встретят.

Перед подъездом к границе никаких предчувствий не шевельнулось в груди у Веры. Она смотрела в окно на знакомую уже картину.

Молоденький пограничник долго крутил ее паспорт с визой, потом унес его куда-то. Веру пригласили в отдельное помещение.

– Вы не можете въехать в Финляндию по этому паспорту.

– Почему? Я уже въезжала по нему.

– Да, въезжали. А теперь не можете. Вам надо поменять паспорт.

Это было сказано таким сухим и обыденным тоном, как будто ее просили передвинуться на соседнее сидение в автобусе. Вера не могла поверить в реальность происходящего. Вот сейчас они переглянутся, рассмеются, скажут, что просто разыграли ее. Или еще сходят куда-нибудь, позвонят или просто переговорят между собой и скажут, что недоразумение разрешилось, и можно следовать дальше. Все всегда должно заканчиваться хорошо. Громко тикали часы над столом, а хеппи энд не наступал, стражи границы выжидающе смотрели на Веру.

– Если придется менять паспорт, это же целый месяц займет. Меня муж в Лаппеенранте ждет... – Не совсем логично добавила Вера.

– Если любит, подождет и месяц.

– Так что же мне сейчас-то делать? Как же мои вещи?

– Сейчас мы выгрузим ваши вещи и настоятельно попросим какую-нибудь машину в сторону Питера довести вас туда. Обычно нам не отказывают.

– А как же я мужу сообщу, что не приеду?

– Тоже не проблема. Пишите записку на финском языке, мы попросим кого-нибудь, следующего в Лаппеенранту, зачитать ее по громкой связи на автовокзале.

Вера написала записку, отдала представителю таможни и разрыдалась.

Тот удивился:

– А чего только сейчас-то? А-а-а, дошло только теперь...

Остальное она помнила смутно. Все как-то сделалось за нее. Она обнаружила себя в машине, следующей в сторону Санкт-Петербурга. Парень-водитель, очевидно, видя ее состояние, пожалел и довез до дома, хотя ему было не по пути. Просьба таможенников хоть и весома, да только человеческий фактор весомее. А вот парень, ехавший в Лаппеенранту, видимо, выбросил записку Веры в урну, чтобы не возиться. А, может быть, Ари просто не слушал громкую связь. Он прождал Веру до вечера, а потом позвонил. Уже успокоившаяся Вера как смогла объяснила ему по-фински, что произошло. Реакция Ари была спокойной. Рассказывая о ней

своим родственникам, она впервые услышала от своего двоюродного брата определение своего мужа, окончательно ставшее впоследствии его прозвищем, – Будда.

Вере было стыдно перед своими бывшими сослуживцами и знакомыми за то, что ее так бездарно развернули на таможне по своей же глупости. Она сдала документы на паспорт и ждала нового срока выезда, практически ни с кем не общаясь. О том, что она в Питере, знали только родственники и самые близкие друзья, обрадовавшиеся отсрочке.

Наконец, 10 октября Вера благополучно добралась до семейного пристанища. На следующий день они с мужем пошли в полицию и сдали документы на вид на жительство.

И вот тут-то начались финансовые неожиданности...

Сначала из-за плохого знания финского языка, Вера никак не могла понять, что пытается ей объяснить и показать муж, обкладывающийся каждый вечер какими-то бумагами и счетами. Она думала, что ситуация как всегда чудесным образом разрешится сама. Только озабоченность мужа не проходила, тогда Вера, взяв большой словарь, решительно подседа к благоверному.

Выяснились интересные вещи. Взяв ссуду в банке, муж купил эту замечательную однокомнатную квартиру и новехонькую машину "Рено" последней модели. Зарплата гидравлика вполне позволяла рассчитывать с этими ссудами. Если бы не... Решив, что он теперь "упакован" по полной программе и завидный жених, Ари решил найти невесту. Наслышанный о красоте и преимуществах русских жен, он обратился в брачную контору, в которую и посылала свои данные Вера. Для невест это было бесплатно, а вот для женихов стоило хотя и разумных, но не таких уж и маленьких денег. Потом начались многочисленные поездки в Россию. Ари показал счета за все оплаченные им туры, бензин, визы... Хорошо, что он не сделал этого раньше: Вера бы просто не стала так разорять человека. Потом еще свадьба... Потом приезд Веры в отпуск и ее покупки... Все счета были аккуратно сложены и подколоты в папочку. Короче, все покупалось в кредит. А теперь надо было расплачиваться и с этими кредитами, и вносить очередные платежи за квартиру и машину. Надо было что-то делать. Что?

– Какие у нас варианты? – Поинтересовалась Вера.

– Надо что-то продать.

"Что-нибудь ненужное", – горько усмехнулась про себя Вера.

– Что мы можем продать? – вслух сказала она.

– Квартиру или машину.

– Квартиру мы продать не можем, нам негде будет жить. Сколько стоит машина?

– Я купил ее совсем новую за 119 тысяч марок и уже почти год на ней ездил. Можно продать в полцены, только это будет долго. Надо подешевле.

– На чем ты будешь ездить на работу?

– Куплю какую-нибудь подержанную и недорогую.

Ари стал обзванивать по газетным объявлениям скупщиков машин, и в конце концов с одним из них договорился о встрече, а на следующий день приехал довольный на "новой", в смысле только что купленной подержанной машине.

Вера тоже обрадовалась:

– Продал?

– Да. Все хорошо.

– Почему?

– 25 тысяч.

Вера обалдела:

– 25? Ты же говорил 50 с небольшой скидкой.

– Это и была скидка. Дороже не продать.

- А «новую» купил почему?
- 4 тысячи, надо немного подремонтировать, это я сам легко сделаю.
- Значит, у нас осталась 21 тысяча?
- Нет, я заплатил очередной взнос за квартиру и почти все долги. Еще немного не хватило, доплачу с полочки.
- Нам бы надо купить еды? – напомнила Вера.
- Сейчас купим в кредит. Поехали. – Он приветливо открыл для нее дверцу "новой" машины.

Глава 6

Семья Ари была многочисленной по российским меркам и вполне нормальной по финским. Самым старшим был Ари, затем с разницей в несколько десятков минут шел его брат-близнец Арво, совсем не похожий на брата ни внешностью, ни телосложением, ни характером. Если Ари был высокий, плотный, флегматичный, то Арво был примерно на полголовы ниже брата, сухощавый, холеричный, словоохотливый, если не сказать – болтливый и очень любивший больших и полных женщин. В то время, когда Вера с ним познакомилась, он жил гражданским браком с женщиной, на полголовы выше и в два раза толще его. Вера не очень соответствовала его вкусовым стандартам: по росту – да, по толщине – нет, совсем нет, что, впрочем, ее совсем не расстроило. Она всегда с умилением смотрела на Арво и его гражданскую жену и удивлялась, как можно было подобраться столь несхожей паре. В будущем Арво преподнес всем новый сюрприз – женился на дочке начальника полиции, которая была еще на голову выше предыдущей своей жены и еще дороднее. В деревне ее называли "pikku Mia" – маленькая Мия. Арво был отличным спортсменом-лыжником, однажды даже завоевал титул чемпиона Финляндии. Тренировался он каждый день по несколько часов, а с годами ушел из профессионального спорта, устроился на работу, но тренировок не прекращал.

В тот год, когда Ари и Вера поженились, братьям было по 35 лет, Вере – на десять лет меньше.

Следующим братом в семье был Яри, на год младше своих братьев. Вера сразу подружилась с его общительной и разговорчивой женой Ритой. Детей у них не было, всю свою родительскую любовь они направляли на кошку Риикку.

Кроме сыновей в семье была дочь Арья, на пять лет моложе братьев. Ее Вера не застала. Арья жила с родителями на хуторе. В день своего школьного выпускного она с ребятами из своего класса поехала кататься на машине, кто-то не очень трезвый сел за руль, машина попала в аварию – Арья погибла, больше никто не пострадал. Вера удивилась, как буднично об этом рассказывала свекровь, как будто бы про кошку, которая вышла из дому и не вернулась. Хотя глаза при этом у свекрови были тоскливые, и, видимо, горе это не прошло в ней до сих пор. Да и как пройти? Вера призадумалась. Она как раз начиталась разных умных книжек о том, что женщины покидают семью, если в ней есть агрессивные мужские энергии. "Уж не свекр ли?" – подумала Вера. Он производил впечатление авторитарного самодура. С ним всегда было непросто, не только Вере. В один из первых приездов к родителям Ари сказал Вере: "Иди погуляй с моим папой, ты ему нравишься". Вера тогда очень удивилась: "Я замуж за тебя вышла, а не за твоего папу и не за вас обоих, гулять буду только с тобой".

Все братья со своими семьями (у Арво была еще дочка) жили в одном поселке, примерно в двух часах езды до родительского хутора. Ни Яри с Ритой, ни Арво с первой, а потом и со второй женой почему-то почти не ездили к родителям, только раз или два в год на праздники. Ари же регулярно катался к родителям каждые вторые выходные и обязательно с ночевкой. За это родители особенно тепло к нему относились, загружали его машину дешевой едой, купленной со скидкой и почти или уже просроченной, которую Вера втихаря от мужа понемногу

выбрасывала, иногда помогали деньгами, откладывая из своих небольших пенсий. Веру это всегда возмущало:

– Ты не понимаешь, что ли? Это мы им должны помогать, а не они нам. Они вас четверых вырастили, на ноги поставили, в люди вывели. Теперь они старенькие, и мы должны о них заботиться.

Ари почти всегда улыбался на такие пламенные выступления Веры:

– Это у вас в России так. У нас, если надо, государство позаботится. Пока не надо.

И неизменно брал все, что они давали.

"В конце концов, – подумала Вера, – может, он и прав. Они, наверное, по-другому и не могут. Вон я сколько им подарков перевозила. А где они все? Плесневеют в каком-нибудь сундуке на черный день".

Это тоже было удивительно Вере. Например, ее отец, которому она дарила даже незначительные подарки, будь то носки, рубашка или какая-то мелочь типа фонарика, почти сразу же надевал подаренное или начинал им пользоваться, рассказывая всем, что это ему подарила дочь. Вере от этого было тепло и приятно, так укреплялись и без того крепкие родственные чувства. Перед своей первой поездкой в Финляндию Вера долго думала, что же подарить будущим родственникам. Узнав, что все они пьют только кофе, она купила всем кофейные чашечки из костяного фарфора. Что произошло с этими чашками в семьях Яри и Арво, Рита не знала, так как в гости они друг к другу практически не ходили. Поселок маленький, они и так встречались в магазинах или на улице довольно часто. Бывая же у родителей каждые вторые выходные, Вера так и не увидела потом подаренных ею чашек, как, впрочем, и остальных подарков, тщательно и с любовью ею выбираемых. Потом, когда она уже гораздо лучше овладела финским языком и стала понимать саволайский диалект, она осмелилась сказать свекрови, что ей было бы приятно видеть в пользовании свои подарки. Та понимающе покивала, но ничего не изменилось и после этого.

Сейчас Ари и Вера ехали в "новой" машине к родителям, чтобы сообщить (а скрыть это было бы и невозможно), что они продали "Рено". Ари попросил Веру сказать отцу, что купили у них ее за 60 тысяч. Вера промолчала, врать она не любила. Впрочем, говорить ей не пришлось – лаконично, как он умел, об этом сказал муж.

– 60 тысяч? – возопил свекр. – Да это же в два раза меньше, чем она стоила!

Он схватился за сердце, мать побежала за его сердечными лекарствами.

"Да, у меня нервишки покрепче, – цинично подумала Вера. – Бедняга. Знал бы он, почему на самом деле ушла машина".

Сюрпризов впереди было еще много.

Глава 7

Почти год Вера любовалась привычным пейзажем из окна, который оказался таким же притягательным и в осенних, и в весенних красках, не говоря уже о зимних и летних. Раз в неделю муж возил ее в соседний городок на курсы финского языка, где она познакомилась с русской женщиной из Карелии. Обе очень обрадовались: на курсах кроме них русских не было, и где с ними познакомиться они не знали. Не смотря на то, что Регина жила довольно далеко от Веры, они стали почти близкими подругами, много говорили по телефону и даже ездили друг к другу в гости.

Хотя Вера и получила права, водила машину она довольно неуверенно, ей нужна была практика. Поэтому в обязанности ездить к родителям Ари, а это для нее была именно обязанность, она находила свои позитивные стороны – по дороге туда и обратно муж давал ей сесть за руль. Потом она и в пребывании на хуторе нашла свои светлые моменты и дела, какими можно было бы заняться: ходила на речку купаться и загорать, в лес – собирать грибы и ягоды, помогала свекрови накрывать на стол, мыть посуду, перебирать ягоды. Зимой там было совсем

тоскливо. Особенно Веру удручал туалет в сосульках, которым она предпочитала бы совсем не пользоваться да не получалось, и дровяная сауна с ковшами, представлявшаяся ей чем-то допотопным в сравнении с их "городской" электрической сауной. Хотя со временем она попробовала и эту сауну, которая оказалась "вкуснее" электрической. Душ бы туда – совсем рай!

Свекровь была покладистой, с ней было легко. Она все время что-то говорила, Вера постепенно перестала в это вслушиваться, чтобы не травмировать свою психику безнадежными попытками понять непонимаемое. Если было что-то важное, до нее это доносил муж, которого она почти всегда понимала прекрасно.

Сложнее было со свекром, ее донимали его сальные взгляды и бесцеремонные хватания за голые руки. Стало ясно, почему остальные невестки сюда не ездили – с ними он вел себя так же. Свекровь на это не обращала никакого внимания. На ней лежало все хозяйство, которое надо было вести без водопровода, канализации, отопления – до таких ли мелочей, когда постоянно надо что-то приносить, уносить, выбрасывать, мыть.

Верина автомобильная практика чуть не закончилась трагично и окончательно в одно воскресенье. Они с Ари ехали по зимней и скользкой дороге. Вера вела машину осторожно и спокойно, на дороге она была практически одна. Уже приближался хутор, оставалось несколько километров. Вдруг слева у дороги они увидели перевернувшуюся машину и людей. Вера, уже потом анализируя ситуацию, поняла, что муж, видимо, просто хотел, чтобы она сбавила скорость, и он смог бы рассмотреть, что там произошло и нет ли среди пострадавших или помогавших им знакомых. Но он так неожиданно сказал ей: "Тормози", что она, не разобравшись в ситуации, ударила по тормозам. Машина тут же скользнула на встречную полосу, а потом на обочину, вдоль которой шли женщина, а перед ней бежал ребенок. Вера оцепенела, вцепившись в руль. Что делать в таком случае она не знала. Ужас сковал ее. Буквально в метре перед бегущим ребенком машину занесло еще больше влево, и она перевернулась на крышу. Вера и Ари повисли на ремнях безопасности. Вера почувствовала такое облегчение, как никогда в жизни: ребенок был цел, они с Ари живы (автомобилисты, пристегивайте ремни безопасности!), да и с машиной, похоже, все не так уж плохо, хотя, признаться, на это Вере в тот момент было глубоко плевать.

Подшли какие-то люди, помогли им выбраться из машины, потом Ари позвонил свекру, тот приехал за ними на тракторе, тщательно осмотрел машину, цокая языком и, наконец, довез их до своего гаража. Ари и Вера вымокли в снегу, Вера тряслась от нервного перенапряжения. Она попросила родителей затопить сауну, те непонимающе на нее уставились – сауна топится вечером, а не днем. Пришлось ждать. Мужчины теперь были при деле – оба дружно занялись устранением неполадок и полученных в аварии дефектов.

Вера приучила Ари зимой не ночевать у родителей, очень уж это было неудобно, поэтому после сауны они собрались домой. Ари сел за руль. Он отъехал несколько километров примерно до места аварии и остановился. Вера не поняла, что он хочет сделать. Ари показал ей на водительское место: "Садись!" Вера отрицательно затрясла головой. Ари был настойчив:

– Ты же понимаешь, если ты сейчас не сядешь за руль, ты не сядешь уже никогда. Давай! Меняемся местами.

Его доводы были разумными, но микроб страха засел в ней.

– Темно ведь и скользко.

– Не так скользко, как днем, все замерзло. Фонари горят вдоль всей трассы, да и ближний свет фар должен быть всегда включен. Ты знаешь. Садись.

Вера подчинилась и потом благодарил мужа за то, что не отучилась водить машину.

Ближе к весне Вера в своих "тренировках" пошла дальше. Она училась ездить одна. Муж – заядлый велосипедист – одобрил ее идею: он будет ехать до родителей на велосипеде, а она – на машине. Муж выезжал на час-полтора раньше, Вера, не торопясь, делала свои дела и

садилась за руль. Догнав по дороге мужа, она обычно останавливалась, Ари подъезжал к ней, делал привал, они обменивались "новостями" и продолжали путь.

В одну субботу Вера приехала на машине к родителям намного раньше Ари, свекрови не было дома, что обычно бывало редко, если не сказать никогда – какие-то непредвиденные дела. Свекр знал о нововведениях "молодых" – их манере добираться по отдельности. Вера сухо поздоровалась с "отцом" и пошла на речку. Стоя на деревянных мостках и наслаждаясь свежим после дороги воздухом, она спиной почувствовала надвигающуюся опасность, что-то зловещее накатывало на нее. Она повернулась и увидела надвигающегося на нее всей своей стодвадцатикилограммовой тушей свекра. Вера вцепилась в перила, решая, сигануть ли ей в ледяную воду или попробовать отбиваться. Нырять совсем не хотелось. Она, наоборот, сделала шаг вперед навстречу свекру, выдвинувшись с мостков. Здесь было больше возможностей для маневра. Когда он стал хватать ее потными руками и наваливаться, Вера развернула его в сторону мостков и толкнула. Почувствовав под ногами какие-то неровности, грузное тело пошатнулось, на мгновение выпустив Веру. Она рванулась и побежала к дому. Сердце бешено колотилось. Что делать, она не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.